не имѣетъ общаго значенія. Многіе проводятъ жизнь съ отрицаніемъ почти всего, что стоитъ за предѣлами блага животной личности; даже мысль о смерти не заставляетъ такихъ людей отрекаться отъ этого блага. Когда приближается смерть, и такіе люди чувствуютъ ея наступленіе, то просто подчиняются неизбѣжному, одни—спокойно, другіе съ горечью и отчаяніемъ, одни—въ ясномъ сознаніи, что все кончено, другіе—въ надеждѣ, что есть жизнь и за гробомъ. Но, во всякомъ случаѣ, примиряясь съ мыслью объ уничтоженіи тѣла, они не имѣютъ опредѣленнаго взгляда на то, какова будетъ эта новая жизнь. И если бы совершенно неожиданно, отъ состоянія тяжкой болѣзни и, повидимому, очень близкой смерти наступилъ поворотъ къ полному выздоровленію, то многіе снова полюбили бы свою животную личность и стали относиться съ отрицаніемъ ко всему, что не находится съ нею въ тѣсной связи.

Толстой правъ, что жизнь сдѣлалась бы разумною и доброю, если бы люди стремились не къ личному благу, а ко благу другихъ существъ. И самъ онъ даетъ характеристику, которая противорѣчитъ его разсужденіямъ о крайнемъ развитіи жестокости въ современномъ обществѣ. Онъ говоритъ о томъ, какъ убійство враговъ смѣнилось взятіемъ ихъ въ плѣнъ, какъ стали болѣе мягкими нравы военныхъ и т. д. Но примѣры, приводимые имъ, выбираются не всегда удачно: онъ говоритъ о возрастаніи наклонности къ вегетаріанству, а между тѣмъ вегетаріанцевъ теперь меньше, нежели раньше, и мясная пища входитъ въ употребленіе среди общественныхъ слоевъ, которымъ она раньше не была доступна.

Ко взгляду, въ общемъ правильному, Толстой, безъ всякой надобности, пріобщаетъ нападки на науку за то, что она очень цѣнитъ ученіе о потребностяхъ человѣка. Если бы Толстой считалъ нормальнымъ жалкое существованіе, которое составляетъ удѣлъ безчисленныхъ милліоновъ въ городахъ и деревняхъ, то былъ бы, по крайней мѣрѣ, послѣдователенъ. Но онъ не думаетъ этого: онъ призываетъ науку служить народу, разъяснять ему, какъ питаться, какъ отопляться, какими орудіями работать. Многіе изъ этихъ вопросовъ относятся къ ученію о потребностяхъ. И разъ Толстой самъ признаетъ важность выясненія того, что такое нормальный строй жизни, то ему слѣдовало бы не нападать на ученіе о потребностяхъ, а ограничиться осужденіемъ потребностей роскоши или чрезмѣрнаго удобства.